

ОБРАЩЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ / STUDIES OF THE FRENCH APPELLATIVES

Lilia BEJENARU

Lecturer, MA

("Alecru Russo" Balti State University, Republic of Moldova)

lilia.bejenaru@usarb.md, <https://orcid.org/0009-0000-6651-6905>

Abstract

The present article addresses the problem of French appellatives from the perspective of structure, semantic and pragmatic values.

Keywords: *appellative, perspective, structure, semantics, pragmatics, value*

Rezumat

În articol, abordăm apelativele din limba franceză, din perspectiva structurii, conținutului și valorilor pragmatice.

Cuvinte-cheie: *apelativ, perspectivă, structură, semantică, pragmatică, valoare*

В языкознании под термином «обращение» подразумевается единица речевой деятельности, находящаяся с точки зрения выражения семантико-функциональных категорий дискурса на пересечении двух базовых категорий – личности/интенциональности (поскольку основными функциями аппелятивных форм считаются функция конативная т.е. функция направленности аппелятивных форм на адресата, так как направленность речи на адресата является необходимой составляющей коммуникации, и функция побуждения) и модальности/оценочности (поскольку именно в речи осуществляется непосредственная связь мировоззрения, отношения к окружающему миру и эмоционального состояния субъекта, с выбором лексико-синтаксических форм выражения этого мировоззрения, отношения к окружающему миру и эмоционального состояния; не последнюю роль в этой связи играет также социально-культурный контекст коммуникации).

Несмотря на решающую роль обращений в коммуникации, им отведено чаще всего далеко не главное место в лингвистических исследованиях. Так, в грамматических теориях они рассматриваются, как единицы, лишенные всякой синтаксической функции, являющиеся названием адресата речи, прежде всего (Пешковский/Peshkovskij, 1956, с. 407), или, наоборот, как члены предложения третьего уровня, которые связаны с остальными членами предложения особым видом семантической и прагматической связи - связи «соотношения» (см., например, Руднев/Rudnev, 1968; Руднев/Rudnev, 1963; Руднев/Rudnev, 1959, с. 179; Чобану/

Chobanu, 1969, с. 60-61; Абрамова/Abramova, 1959, с. 125) или связи взаимозависимости глагола и существительного в вокативном падеже (см. Йордан и Робу/Iordan & Robu, 1978; Гойан/Goian, 1995, с. 87-89).

Как видно из вышеизложенного, трактовка этих языковых единиц далеко неоднородна в языкознании.

«Между тем, в коммуникативных процессах обращение – одна из частотных единиц общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактно-устанавливающую функцию» (Формановская/Formanovskaya, 2000, с. 83).

Проблему грамматической сущности, и особенно роли обращений в коммуникации решали видные русские и румынские лингвисты, такие, как В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская, Г.Н. Торсуев, Л.П. Рыжова, В.С. Кузмичева и А. Росетти, считая, что данные единицы формируют самостоятельный коммуникативный тип предложений, то есть речевой акт.

Исследуя проблему обращений, мы констатируем дискуссионность данной проблемы, наличие разных точек зрения. Так, некоторые лингвисты определяют обращения как слова или словосочетания, «которыми располагает говорящий для обозначения своего (своих) собеседника (ов). Этим выражениям свойственно обычно, помимо их дейктического значения (обозначать «второе лицо», то есть обращаться к адресату сообщения), еще и значение соотношения (в случае, когда несколько форм являются дейктически эквивалентными, как «ты» и «вы», употребляемые для обозначения одного и того же адресата), кроме этого они контактно устанавливают особый тип социальной связи («...ensemble des expressions dont dispose le locuteur pour désigner son (ou ses allocutaires). Ces expressions ont généralement, en plus de leur valeur déictique (exprimer la « deuxième personne », c'est-à-dire référer au destinataire du message), une valeur relationnelle : lorsque plusieurs formes sont déictiquement équivalentes – comme « tu » et « vous » employés pour désigner un allocutaire unique -, elles servent en outre à établir un type particulier de lien social) (Kerbrat-Orecchioni, 1992).

Б.П. Ардентов утверждает, что единицы обращения – «это синтаксические категории, ... функцией которых является установление контакта между собеседниками» (см. Ардентов/Ardentov, 1955). К синтаксической категории относит обращения и румынский филолог Мария Эмилия Гойан.

Вышеупомянутые филологи считают, что обращения представляют собой вид речевого акта.

Проблема осложняется тогда, когда ученые сталкиваются с делением данных единиц на просто обращения – лексемы, обозначающие адресата речи (например: Виктор, иди сюда!), и вокативные предложения (типа: Виктор! Тебя зовет мама!), то есть самостоятельно оформленные в предложения обращения, которым приписывается вся гамма прагматических зна-

чений, свойственная обращениям, согласно точки зрения исследователей А.А. Шахматова, А.Н. Печникова и А.Ф. Кулагина.

Подобное разграничение можно принять только с синтаксической точки зрения, но не с семантической и когнитивной, поскольку нельзя сказать, что несамостоятельные обращения лишены семантики или иллокутивной функции. Если взять два примера с самостоятельно и несамостоятельно оформленным обращением посредством одной и той же лексемы: *Виктор*, что ты делаешь?/*Виктор!* Что ты делаешь? – в первом случае мы имеем дело с речевым актом упрека, а во втором случае – с речевым актом недовольства. Таким образом, можно сказать, что синтаксическая оформленность обращения влияет на иллокуцию или степень иллокутивной силы предложения. В этих предложениях смысл передается интонационной структурой, что, по мнению В.П. Проничева, может приравнять обращения к междоменно-побудительному оклику, типа «Эй!», поскольку, ссылаясь на В.В. Виноградова, интонация «может быть выразительной, но не является содержательной, т.е. не служит материальной оболочкой мысли» (Проничев/Pronichev, 1971, с. 21). Поэтому Проничев предлагает признать основным содержанием обращения не интонацию, с которой оно произносится в речи, а понятие об адресате речи. «Обращение всегда и прежде всего – слово или словосочетание с определенным объективным содержанием, которое в основе своей имеет форму мысли, понятие об адресате речи: относя его к известному классу предметов или явлений, мы тем самым сообщаем понятие о нем» (там же, с. 24). Из этого следует что первичная функция обращения - номинативная, поскольку обращение – это прежде всего название адресата речи.

В.П. Проничев пишет: «В человеческой речи мысль и эмоционально-волевая реакция говорящего проявляются различным образом: объективное содержание находит выражение в лексике, а эмоционально-аффективное содержание передается мелодикой речевого акта. Таким образом, в потоке речи осуществляется взаимопроникающее единство мышления и аффекта» (там же).

Если мы говорим, значит, мы мыслим, если мы мыслим, значит, соотносим объект наших мыслей с окружающей действительностью, то есть, проводим его по всем экстралингвистическим параметрам: возраст, социальный статус, профессия, этническая принадлежность, формальный или неформальный контекст общения, место и время вербального контакта и т.д. Если мы соотносим адресата речи, например, с окружающей действительностью, мы его не только идентифицируем и позиционируем для себя, но и мыслим его таковым в локально-временном пространстве

посредством глаголов «быть» и «существовать». Таким образом, происходит концептуализация адресата в картине мира говорящего.

В.В. Виноградов исключил категорию лица из состава предикативности. Мы же считаем, что обращения несут в себе предикативность: *Виктор!* (= ты есть Виктор). Когда обращения, проходя сложный путь от внутреннего, мыслительного порождения до актуализации через речь, становятся интонационно оформленными, они несут в себе и предикативность и иллокуционную силу (отражение упрека, вопроса, иронии и.т.д.). Этот факт, без сомнения, и включает их в категорию речевых актов.

Если взять два примера: *Docteur !* (произнесенное с интонацией приглашения (+ пригласительный жест или мимика)) и *Venez, docteur !* – категория иллокуции одинакова, однако во втором случае она посредством семантического соотношения с перформативным глаголом в повелительном наклонении «venez!» пропозиционально оформлена.

Таким образом, мы разделяем точку зрения Н.И. Формановской, которая утверждает: «Обращение, на наш взгляд, «обитает» не в номинативно-предметной сфере языковых единиц, хотя и обеспечивается обширным кругом лексем, но в непосредственно коммуникативной сфере, как речевой акт, т.е. минимальное перформативное высказывание, рядом с императивным побудительным речевым актом, рогативным вопросительным речевым актом, выражаемым междометными высказываниями» (Формановская/ Formanovskaya, 2000, с. 86).

Н.И. Формановская отмечает, что обращение есть самостоятельный речевой акт с интенцией/иллокуцией призыва, зова приглашения, предложения и.т.д. Ведь речевой акт есть вид действия, который характеризуется присутствием субъекта и объекта коммуникативного контакта, пространственно-временными координатами, целью, способом, результатом, условиями, успешностью. В случае обращения, в качестве субъекта речевого акта выступает адресант, объекта – адресат, к которому направлено обращение; вербальный же контакт актуализируется в пространственно-временных параметрах. Пространственно-временные параметры и образуют непосредственный коммуникационный контекст. Цель обращения – призыв, побуждение и.т.п. к определенному действию, установка этикетного или просто благоприятного контакта, оскорбление, выражение негодования, упрека, иронии и.т.д. Обращение выступает и как способ, инструмент достижения цели. Результат – успешность достижения цели. Но, к сожалению, обращение не есть результат успешности коммуникации, ибо если адресант поставил перед собой цель оскорбить адресата, то обращение носит пейоративный характер ввиду того, что намерение адресанта – акт вербальной агрессии, а не дружеской плохой шутки, например. В этом случае коммуникативный контакт на этом может закончиться и поэтому коммуникация

потерпит неудачу. И, наоборот, если мы обращаемся к собеседнику позитивно-оценочно или побуждаем к действию, мы можем гарантировать успешность коммуникации, так как хорошее, вежливое, ласковое обращение предрасполагает адресата к беседе и продолжению диалога. Например:

- « - Mais c'est aussi un honneur, *mon petit*, et tu peux passer sergent.
- Ça, jamais ! *mon général*.
- Pourquoi ?
- Il faut avoir tué père et mère ! Et puis, excusez-moi, *mon général*, mais je ne suis pas militaire...
- Bon, fit le général » (B. Cendrars, *La main coupée*, с. 268-269).

На основе этого примера, видим как даже в формальном контексте в разговоре генерала и главного персонажа панибратское контактоустанавливающее обращение « *mon petit* » = *мой милый, мой дорогой, дорогой товарищ* вызывает, в свою очередь, располагающее к разговору обращение « *mon général* » = *мой генерал*, приводя к сплетению фраз в диалогической структуре, тем самым обеспечивая успешность и продолжительность коммуникативного акта.

С точки зрения прагматики, речевой акт может быть: локутивным, иллокутивным или перлокутивным.

На уровне локутивного акта, обращение включает акт фонации, акт референции (референтность ко второму лицу ед. или множ. лица или первого лица мн. числа, или как пишет Кербрат-Ореккиони - эти выражения обладают обычно, помимо дейектического значения, реляционным значением (значением соотношения): в случае когда несколько форм являются дейектически эквивалентными - как «ты» и «вы», употребляемые для обозначения одного и того же лица) и акт предикативности.

На уровне иллокутивного акта - обращения, как уже отмечалось, имеют иллокутивную силу.

На уровне перлокутивного акта, рассматриваем обращения с точки зрения (1) реальных последствий, (2) воздействий на чувства, на окружающую действительность и (3) их побудительной силы.

Из вышеизложенного видно, что обращение может быть определено как речевой акт, рассматриваемый в коммуникативно-прагматическом аспекте, которому свойственна вся гамма прагматических значений, переданных не только интонационным путем, но и логико-семантическим контекстом обращения.

С точки зрения структурно-семантических отношений, обращения можно разделить на простые обращения и развернутые структуры. Примеры простых обращений:

- « - J'ai eu si peur, *mes petits*, si peur, si vous saviez...

- On sait, *Maman*.

Elle serrait autour de nous des bras immenses, comme si la panique les avait changés en lianes » (E. Orsenna, *Madame Bâ*, c. 64).

« Comment vis-tu, *mon roi* ? demande l'homme.

- J'ai peur, *amis*, dis-je.

- Ils te poursuivent ? » (M. Kundera, *La plaisanterie*, c. 190).

Во французском языке существуют еще и развернутые аппелятивные структуры, весьма насыщенные семантически и прагматически. Кроме простых обращений типа: *maleureux, amis, imbécile, mon trésor, mon roi, oh ma nine, oh ma quique, mignonne, polisson, minot, maman, ô Cécile, ma colombe* etc. существуют синтагматические структуры обращения с проспективным или ретроспективным характером прагматической информации, исчисляемой от базового элемента, в роли которого выступает существительное или субстантивированное прилагательное (*chéri, génial, ignorant, infâme, petit* etc). Элементам внутри этих синтаксических структур свойственна как сочинительная связь с присоединительным союзом *et*, так и подчинительная связи. Компоненты сочинительной конструкции относительно самостоятельны по отношению друг к другу, компоненты подчинительной конструкции подчинены друг другу, поскольку последующий элемент является всегда элементом амплификации семантико-прагматического значения перечисленного уже элемента. Синтаксические структуры обращения делятся на:

(1) одноуровневые с одним базовым элементом, с подчинительной связью:

« - L'homme intelligent, c'est toi, Saltiel! Parle, *chéri*⁴⁶ du Puissant ! Parle, *fleur de la nation* !

- Oui, *homme de distinction*.

- Parle, *voix de la sagesse* ! » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 98).

- *Mes amis de l'île*, dit Saltiel d'une voix noble mais résolue, *compagnons de mes labeur*, j'ai trouvé par les veilles de l'esprit le secret du secret ! » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 98).

« ...ô *notre maître en astuce*... » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 85).

« - Ma bouche sent très bon, répliqua Salomon. Elle sent la mimosa et la pâquerette et c'est la bouche à toi, *homme noir*, qui est la perte des mouches par le souffle qu'elle leur envoie et qui les assassines ! C'est ainsi que je te réponds, ô *hameçon à manson* ! » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 34).

(2) двухуровневые с двумя базовыми элементами в сочинительной связи:

« - Mais comment feras-tu, ô *viande et ossements* ? demanda-t-il, les jambes croisées à la manière des grands-ducs » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 218).

⁴⁶Здесь и в других примерах, мы даем базовый элемент жирным шрифтом.

- (3) двухуровневые с сочинительной связью между базовыми элементами и подчинительной связью между каждым из двух базовых элементов и небазовым(и), ему подчиненным(и):

« Eh ! mais les événements de trois cent mille drachmes, ô *mon chéri et génial...* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 31).

« - Ouragan et tempête dans l'oeil de toutes vos soeurs, ô *infâmes et Juifs perdus pour le judaïsme* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 136).

« - Qu'as-tu, *extrémité du macaroni et fond de la cuillère?* demanda Mangeclous » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 127).

« Moi, Mangeclous, je vous donne licence et permission, ô *charmantes héroïnes et nobles héros de passion!* Avouez que vous n'en pouvez plus ! » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 141).

« ...*fils des trente-six pères et neveu des entremetteuses...* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 317).

- (4) двухуровневые с иерархической подчинительной связью между базовыми и небазовым(и) элементами, ему подчиненным(и), типа или , или :

« ...et comment elles sont arrivées pour te dulcifier et en quelles circonstances et tout et tout, ô bien-aimé, ô *fleur du judaïsme universel !* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 31).

« Que diable, laisse-nous devenir ministres, *hommes de petite foi !* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 263).

« O *voleur de directeur du Ritz*, que ta fille meure avant sa mère et que ta femme meure avant toi » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 366) !

« O père *doué de toutes vertus*, dit l'aîné... » (Al. Cohen, *Mangeclous*, c. 85).

« Vous avez encore tout dépensé, *imbéciles Hongrois de la bouse du chameau ?* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, p. 318).

- (5) трехуровневые с подчинительной связью между каждым из трех базовых элементов и небазовым(и), ему подчиненным(и):

« ...sache, ô *chef de la douane du crotin de la chèvre noire...* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, p. 319).

Такое разнообразие структурных форм и прагматических значений говорит о том, что обращения не только характеризуют собеседника, они еще и иллюстрируют восприятие его говорящим. То есть происходит социальная и субъективно-личностная категоризация адресата.

Категория оценки является базовой для синтагматических обращений, несущих предикатный (характеризующий) компонент. Такие структуры стилистически очень интересно оформлены, в них прослеживается процесс метафоризации, метонимии, гиперболизации:

« - C'est pour ton bien, dit-il. Comprends-tu, ô le plus géant du monde visible à l'oeil nu, ton tuyau digestif est si petit que les macaronis ne pourraient y pénétrer, et que c'est ton oesophage qui entrerait dans le macaroni ce qui amènerait ton décès par subrogation suffocatoire » (Al. Cohen, *Mangeclous*, p. 121).

Особый интерес вызывает исследование синтагматических отрицательно-оценочных структур, поскольку большинство из них явно являются метафоризированными актами вербальной агрессии, оскорблениями в адрес национальной принадлежности (*Hongrois, Juifs, Arabe*), расы (*noir*), профессии (*apoticaire, janissaire*) и т.д. Все вышеприведенные примеры такого рода являются актами оскорбления адресата, в стилистической основе которых лежит сравнение свойств этого адресата с эталонными свойствами человека, что приводит чаще всего к подчеркиванию недостатков адресата и его оскорблению. В этом случае для сравнения прибегают к свойствам животных, флоры и даже некоторых предметов. Если эти свойства приписываются человеку, возникают обращения-зоонимы и ботанимы (*chacal, bécasse, agnelets, mes jasmins, rose* etc.). Как видно из перечисленных примеров, синтагматические структуры распространяются за счет эпитетов (оценочных прилагательных), дополнений к существительному, косвенного дополнения и определений.

Обращения свойственен ряд функций. По В.Е. Гольдину, функцией обращения является подчеркивание направленности текста по отношению к адресату и установление соответственных отношений между текстом и адресатом, то есть речь идет о контактоустанавливающей функции, а точнее, о функции фатической. В этом случае коммуникативная контактоустанавливающая интенция лежит в основе речевого акта говорящего. Другая функция обращения - характеризующая или оценочная, или функция демонстрации личного отношения к адресату, или еще так называемая функция субъективной оценки. Говорящий приписывает некий признак адресату речи, чаще всего в неформальном контексте (*pigeon* (простак, простофиля, глупец), *mon chou* (душенька), *petite* (маленькая моя и т.д.). Одной из важнейших функций обращения является функция этикетная или социально-регулятивная. Эта функция свойственна обращениям в формальном контексте, где действуют социально-типизированные нормы, свойственные общественному и коммуникативному поведению, где такие разнообразные факторы, явления внеязыковой действительности, как степень знакомства, первичный контакт, социальное отслоение, возрастной ценз, занимаемая должность или профессия, учреждение или институт власти, ситуация общения, культурные различия, выходят на первый план и регулируют выбор формы обращения посредством категории вежливости, обеспечивая эффективность и успешность речевого контакта. Выбор единиц обращения не является свободным, а продиктован нормами социаль-

ными и культурными. Вежливость как стратегия поведения – это неотъемлемая часть определенной категории форм обращений.

Кроме названных функций, мы считаем, что обращениям свойственна и функция эмоциональной разгрузки. Так, когда мы говорим: «Дурак!» или «Идиот!», мы выражаем свое отношение к адресату речи, но когда мы говорим: «Дурак, идиот, сучье отродье, кретин, как ты посмел?» – мы испытываем дополнительную психологическую разгрузку. Такие обращения формируют блоки, где обращения-оскорбления следуют одно за другим, поскольку говорящий находится в состоянии аффекта. Например:

« *Imbécile, homme d'ignorance noire, noire comme l'interstice de tes orteils que j'ai vus pour ma douleur et me honte l'autre soir, ô puant véritable, fils des trente-six pères et neveu des entremetteuses, ô postérité des faux-monnayeurs, ô issu des ordures, ô Mathathias de vomissement, ô Arabe, apprends de moi, puisque sans instruction tu n'as jamais été bon qu'à chercher des sous dans les ruisseaux ou à pressurer des bambins de pêche, apprends de moi, hyène du pourcentage, apprends la signification du mot secrétaire* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, с. 317).

« *Sache, ô crapaud, dit-il mélodieusement à Mathathias, ô homme du plus grand fiel, ô poche de venin, ô réflexion tournée uniquement vers le mal, sache, ô jaune véritable citron de la médisance, ô postérité des balayeurs et descendance des latrines, sache, ô basilic, que depuis vingt ans j'ai une correspondance active active avec le docteur Weizmann et il ne se passe de mois que je ne lui envoie des conseils* » (Al. Cohen, *Mangeclous*, с. 262).

Н.И. Формановская пишет: «В тексте значительной протяженности повторное обращение играет роль своеобразной текстовой скрепы, активизирующей и поддерживающей интерес собеседника, контакт внимания, понимания, этический и эмоциональный контакт» (Формановская/ Formanovskaya, 2000, с. 88).

В блоках-обращениях, реализующих функцию эмоциональной разгрузки, роль такой скрепы играет глагол в повелительном наклонении. В наших предыдущих двух примерах это глаголы *apprends* (узнай!) и *sache* (знай!).

Так, теоретические вопросы обращений находят свое интересное решение в языковой практике. И мы видим, что обращение – это вид речевого акт и ему, как речевому акту, свойственны такие семантико-функциональные категории дискурса, как категория личности, интенциональности, оценочности, вежливости, модальности, предикативности. Функции обращения зависят от характера коммуникации, а частотность употребления от степени клишированности, которая объясняется тенденцией языка к экономичности.

Использованные источники

Goian, M. E. (1995). *Limba romană. Probleme de sintaxă*. Editura Recif.

Iordan, I., Robu, V. (1978). *Limba romană contemporană*. Editura Didactică și Pedagogică.

Kerbrat-Orecchioni, C. (1992). *Les Interactions verbales* (tome II). A. Colin.

Абрамова, А.Г. (1959). К вопросу об обращении. В: *Славянский сборник* (выпуск II). Издательство «Наука» / Abramova, A.G. (1959). K voprosu ob obrashenii. V: *Slavyanskij sbornik* (vypusk II). Izdatelstvo «Nauka» (= Абрамова/Abramova, 1959).

Ардентов, Б.П. (1955). Контактирующие слова. В: *Ученые записки Кишиневского государственного университета* (том XV). Издательский центр Кишиневского государственного университета / Ardentov, B.P. (1955). Kontaktiruyushie slova. V: *Uchenye zapiski Kishinevskogo gosudarstvennogo universiteta* (tom XV). Izdatelskij centr Kishinevskogo gosudarstvennogo universiteta (= Ардентов/Ardentov, 1955).

Пешковский, А.М. (1956). *Русский синтаксис в научном освещении* (7-ое издание). Издательство «Наука» / Peshkovskij, A.M. (1956). *Russkij sintaksis v nauchnom osveshenii* (7-oe izdanie). Izdatelstvo «Nauka» (= Пешковский/Peshkovskij, 1956).

Проничев, В.П. (1971). *Синтаксис обращения (на материале русского и сербохорватского языков)*. Издательство Ленинградского университета / Pronichev, V.P. (1971). *Sintaksis obrasheniya (na materiale russkogo i serbo-horvatskogo yazykov)*. Izdatelstvo Leningradskogo universiteta (= Проничев/Pronichev, 1971).

Руднев, А.Г. (1968). О курсе лекций современного русского языка. В: *Теория и методика преподавания русского языка. Ученые записки Ленинградского государственного Трудового Красного знамени педагогического института им. А.И. Герцена* (том 298) / Rudnev, A.G. (1968). O kurse lekcij sovremennogo russkogo yazyka. V: *Teoriya i metodika prepodavaniya russkogo yazyka. Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo Trudovogo Krasnogo znameni pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena* (tom 298) (= Руднев/Rudnev, 1968).

Руднев, А.Г. (1959). *Синтаксис осложненного предложения*. Издательство «Наука» / Rudnev, A.G. (1959). *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya*. Izdatelstvo «Nauka» (= Руднев/Rudnev, 1959).

Руднев, А.Г. (1963). *Синтаксис современного русского языка*. Издательство «Наука» / Rudnev, A.G. (1963). *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka*. Izdatelstvo «Nauka» (= Руднев/Rudnev, 1963).

Формановская, Н.И. (2000). Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. *Специализированный вестник Красноярского государственного университета*, 11, 83-88 / Formanovskaya, N.I. (2000). Obrashenie s tochki zreniya kommunikativno-pragmaticheskogo podhoda. *Specializirovannyj vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11, 83-88 (= Формановская/Formanovskaya, 2000).

Чобану, А.И. (1969). *Проблеме dificile de gramatikă*. Editura Lumina / Chobanu, A.I. (1969). *Probleme dificile de gramatike*. Editura Lumina (= Чобану/Chobanu, 1969).

Тексты

Cendrars, B. (1946). *La main coupée*. Denoël.

Cohen Al. (193). *Mangeclous*. Gallimard.

Orsenna, E. (2003). *Madame Bâ*. Fayard/Stock.

Kundera, M. (1997). *La plaisanterie*. Gallimard.